

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Жопа моей мечты

Её жопа сводила с ума меня много лет. Появилась она у нас в деревне давно. Сосед, когда из армии вернулся, с собой привёз. С тех пор наклонилась моя жизнь.

Жопа была редкостно роскошной. Глаз не оторвать. Оттопыренная, широкая, круглая, на полных ногах. Смотреть, как эти ноги носили её, мотая из стороны в сторону, не закусив губу, было невыносимо. И, видимо, для природного равновесия, чтобы жопа не перевешивала, наделил её Господь мощными титьками арбузообразной формы, которые ходили ходуном не хуже самой жопы.

И всего этого было так много, что всё это было выше меня ростом. Сколько себя помню, на такие бабские жопы западал сразу, но с этой сравниться не могла ни одна. И мордаха при жопе имела приятную, толстощёкая.

Вот только присутствовало в этом шикарном наборе полное отсутствие мозгов. Однажды завёл я разговор и сразу понял, что ещё пол слова и завтра вся деревня будет знать о страданиях её соседа. А моя уж в первую очередь. То есть всё тут было кроме головы. Но при таких излишествах, кто же на подобную мелочь внимание обращать станет.

Бабы деревенские носили юбки или платья. Эта же, как приехала в джинсах, так только в них и ходила. А на такой жопе джинсы в обтяжку, это для мужика опаснее тротила.

И ещё, чего в деревне никогда не водилось, повадилась она греть свою жопу на солнце. Загорать, видите ли, ей нравилось у себя на огороде. Тут и вовсе пошла моя жизнь под откос. Ночью мял одну жопу, а днём пялился через забор, за которым другая жопа мяла мою душу.

Неизвестно, чем бы всё могло закончиться, но солнечные ванны за забором прекратились. Забрюхатела соседка. Да и моя к этому времени уже с икрой была. Опростались они в один месяц. Обе пацанов родили. Моя как-то сникла, а эта опускать свои могучие титьки и не подумала. Даже наоборот. Ещё больше зацвела, будоража мне душу.

Имелась ещё одна серьёзная причина, не позволяющая мне добраться до этой жопы. Дружили мы с соседом. Правильный мужик был. Вкалывал до дури, чтобы эта жопа ни в чём нужды не знала, а потом, как и все в деревне, расслаблялся самогоном собственного производства.

Жопа же местный продукт на запах не выносила и привозила из города бухло в красивых бутылках с заморскими наклейками, которое употребляла в миниатюрных количествах. Настолько миниатюрных, что со временем у неё запас образовался. Вот, как-то с устатку, сосед до этого запаса и добрался.

А в одной из заморских бутылок бухло палёным оказалось. Естественно, организм, до этого употреблявший исключительно экологически чистый продукт из натурального сырья, не выдержал. Как ни билась над ним сельская фельдшерица, пока скорая из города до нашего захолустья добиралась, сосед кони двинул.

Два дня наш участковый какие-то бумаги писал, а на третий соседушку отнесли за околицу и закопали рядом с его отцом и дедом.

Вот тут бы до желанной жопы и добраться, но не смог так сразу через себя переступить. Всё-таки с соседом вместе пацанов из роддома забирали, крестили разом. А пока духом собирался, на соседнем дворе машина появилась. Приехала и осталась у крыльца стоять. опередил меня более расторопный жопострадатель.

И, ведь прижился. Пацаны наши уже в школу пошли. Соседский его папой называть начал. В деревне с ним здороваться стали. Но, всё равно не срослось. Как-то утром вышел я на крыльцо, а за забором машины нет.

Ну, что же, к роскошной жопе моей соседки путь был свободен. Оставалось только свою половину куда-нибудь хоть на время спровадить. Да не успел. Как-то уж очень быстро в соседнем дворе появилась и осталась стоять другая машина.

Этот жопообладатель оказался основательнее предыдущего. Эксплуатировал он жопу на износ. Эксплуатировал так, что стёкла на окнах потели. И всё это практически у меня на глазах. И ещё мальчишку было жалко. Домишко-то от покойного соседа остался маленький. Две комнаты занавеской разгороженные. Вот и отправляли они его постоянно с какими-нибудь поручениями, чтобы не мешал.

Но вскоре и эта машина исчезла. Потом ещё были. К жопе её обладательница деревенских не подпускала. Машины, иногда появлявшиеся у неё на дворе были только с городскими номерами. Но их становилось всё меньше и меньше. Жопа всё чаще оставалась бесхозной.

В субботу с утра затопил я баню. Не для себя. Для моей. И не только для неё. Дело в том, что когда ещё был жив сосед, а у него за огородом тоже баня, придумали мы такое правило. Чтобы не изводить понапрасну дрова, топили бани по очереди. Одну субботу мою, следующую — его. Сначала мылись наши бабы, а уж потом мы с ним парились до дури. С пивом и вяленой рыбой до самой поздней темноты.

После того, как соседа отнесли за околицу, я в своей бане больше не мылся. Скучно одному. С мужиками деревенскими кооперироваться стал. А моя и соседка традицию сохранили. Вот для них и топил.

После обеда пошёл в магазин за хлебом. Там с мужиками языками зацепились. На пиво скинулись. Ну и договорились обо всём. Когда домой за чистыми шмотками возвращался, нос к носу со своей столкнулся. Она, опаздывая на последний автобус, на бегу рассказала, что сестра её, живущая в соседней деревне, приболела. Что-то серьёзное. И чтобы раньше утра я её не ждал.

Дома прикинул: куда переться? Моей до утра не будет. Полушка самогона в заначке осталась. А попариться и у себя можно. Зря что ли баню топил. Собрал чистые шмотки и зашагал через огород. Дверь предбанника была нараспашку, я хотел войти и остолбенел...

Жопа!!! Прямо передо мной шевелилась огромная бабская жопа! Кстати, голой я её видел впервые. Соседка стояла ко мне спиной, вернее жопой, и, наклонившись, разбирала какие-то тряпки.

Я стоял, как истукан, не в силах оторвать глаз от её мясистой, слегка приоткрытой розовой складки между ног. Не замечая меня, она продолжала своё занятие, двигая широченными бёдрами и болтая свисающими огромными титьками.

От такого живот свело. У меня моментально встал, как не стоял ни разу за последние десять лет. Я бросил шмотки прямо на пол, в одно мгновение сдёрнул с себя рубашку и штаны. Она удивлённо обернулась, но сказать ничего не успела. Я толкнул её. Чтобы не упасть ей пришлось упереться руками о стену. Сопротивления никакого не последовало. Наоборот. Она расставила шире ноги и прогнула спину.

Я даже не почувствовал ничего. Вошёл в неё, как провалился. Схватил за бока и задёргался по кроличьи. Она стояла, упираясь руками в стену, с каким-то равнодушным безразличием отдавая свою жопу в моё полное распоряжение.

И тут меня такая обида взяла. Обида за годы мучительного ожидания того, что так легко получил сейчас. И вlepил я со всей дури ладонью по теперь уже совсем доступной для меня жопе. Она заорала во всё горло, рванулась в сторону, но я её удержал.

Поймал рукой болтающуюся титьку, дёрнул на себя, входя в неё ещё глубже и опять вlepил ладонью по жопе. Потом ещё раз и ещё... Она извивалась, дёргалась, но больше не пыталась вырваться, обречённо подставляя жопу, не переставая орать при этом во всё горло.

Или сильно перевозбудился в начале, или от злости кончить я не мог довольно долго. И всё это время она покорно принимала удары, обрушивающиеся на её жопу. А, когда я стал кончать, совсем уж завыла. Кончал я мучительно. Даже не кончал, а накачивал её. Накачивал и накачивал, пока она не захлюпала. Излившись, отвалился назад и плюхнулся на лавку.

Она резко выпрямилась и повернулась ко мне схватившись обеими руками за жопу.

— Так отпиздил, что теперь сесть не смогу, — захныкала, глотая слёзы.

Я сидел на лавке, смотрел на огромные титьки с грустно упавшими сосцами, провисший живот, на её толстые ляжки, по которым стекало то, что я только что закачал в неё и думал, что мне совсем теперь и не хочется её жопы.

— Раз уж дала, зачем бить было, — держась руками за жопу продолжала хныкать она.

Как объяснишь этой дуре, что жопа её больше мне не нужна. Но я всё-таки попробовал:

— Да, не тебя я пиздил. Пиздил жизнь свою дебильную, половину которой просрал из-за твоей жопы!